

Неверович Галина Александровна

ОБРАЗНО-СМЫСЛОВАЯ ФУНКЦИЯ ДЕТСКОГО КОСТЮМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. АБРАМОВА, В. БЕЛОВА, В. АСТАФЬЕВА

В статье рассматривается образно-смысловая функция детского костюма в произведениях Ф. Абрамова "Братья и сестры" и "Две зимы и три лета", В. Белова "Привычное дело", В. Астафьева "Монах в новых штанах". Созданное в совокупности предметно-образное поле детства представляет мир ребенка в деревенской прозе, отражает процесс его взросления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 137-139. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161

Филологические науки

В статье рассматривается образно-смысловая функция детского костюма в произведениях Ф. Абрамова «Братья и сестры» и «Две зимы и три лета», В. Белова «Привычное дело», В. Астафьева «Монах в новых штанах». Созданное в совокупности предметно-образное поле детства представляет мир ребенка в деревенской прозе, отражает процесс его взросления.

Ключевые слова и фразы: предметный мир детства; архетип ребенка; смысловая функция детского костюма; детализация и индивидуализация костюма; внутренний мир героя; типология героев деревенской прозы.

Неверович Галина Александровна*Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова**nevgalina@gmail.com***ОБРАЗНО-СМЫСЛОВАЯ ФУНКЦИЯ ДЕТСКОГО КОСТЮМА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. АБРАМОВА, В. БЕЛОВА, В. АСТАФЬЕВА©**

Образно-смысловые функции предметного мира художественного произведения многообразны, в связи с этим изучение модели детства в ее образно-предметном проявлении становится одним из возможных путей постижения своеобразия и художественной содержательности архетипа ребенка. Мир детских вещей в произведениях деревенской прозы представляет собой единую художественную систему, отражающую главный принцип народного воспитания – наличие самого необходимого в соответствии с достигнутым возрастом. На материале произведений В. Астафьева «Последний поклон», Ф. Абрамова «Братья и сестры» и В. Белова «Привычное дело» рассмотрим, какую смысловую функцию несет описание детского костюма или его деталей в раскрытии характера героя и его поступков.

В деревенской прозе образы детей или детство героя часто являются неким фоном и мерилем времени происходящего, поэтому описание костюма может быть представлено автором в крупных деталях или в сумме мелких подробностей, обнаруживающих общую значимость для изображения его характера и развития сюжета. Каждый предмет из мира детства наделяется автором в произведении общим смыслом, что рождает особое эмоциональное напряжение повествования, возникают сюжетные линии, которые стягивают меж собою все предметы и образы. Создается такое предметно-образное поле детства, в котором внешние события выталкивают из себя «не свой» предмет и тесно сплачивают свои предметы. Так, например, в рассказе В. Астафьева «Монах в новых штанах» сапоги, чуждые мальчишескому облику, пропадают в болоте, а штаны как важная часть костюма приобретают обжитый вид; младшие дети в повести В. Белова «Привычное дело» изображены в люльке или около неё. Появление «нового» платья, рубахи, штанов становилось важным моментом в жизни ребенка, фактом его взросления. Привычный ход мыслей связывает художественную ценность костюма с достатком семьи.

Весьма скромное место занимает описание внешнего вида детей в романе Ф. Абрамова «Братья и сестры». Естественным является упоминание об одежде детей в сцене романа, когда семья Пряслиных собирается в баню: «Мальши, толкая друг друга, кинулись под порог разбирать одежду и обувь» [1, с. 95]. Намыв детей, мать стирает белье, чтобы к утру просохло. В описании нет детализации и индивидуализации костюма детей, но нет и переживаний матери о ребячьей одежде: главное, чтобы всё высохло, а дети были вымыты и накормлены.

В другой сцене романа подросток Мишка Пряслин забегает домой вечером, чтобы взять рукавицы для работы. А затем, сидя в саях, рассматривает свою тень и видит себя великаном в огромной ушанке. Главные смысловые детали – руки и голова – акцентируются в портрете героя, а одежда – это прямая защита мальчишки от зимнего холода. В школу и навоз возить мальчишка бежит в одной и той же одежде; автор подчеркивает, что внешний вид для героя не значим, важнее его участие в общем деле, для которого нужны голова и руки.

Если происходят кардинальные изменения в жизни героя, то автор показывает, как это находит отражение в его костюме. Пристальное внимание писателя обращено на описание портрета Михаила Пряслина в момент, когда подросток, ощущая своё сиротство, делает свой нравственный выбор в жизни. Автор выделяет три главных детали в новом костюме Мишки: отцовская гимнастерка, сапоги с отворотами, охотничий нож на ремне. Во всем героическом облике читается авторская идея о преемственности отцовской ответственности за семью, которую наследует Михаил Пряслин. Важно отметить и то, что всё в новом костюме он приспособил для себя сам, также приспособится он и ко взрослой жизни. Появление его в таком виде перед играющими на улице младшими братьями и сестрами произвело особое впечатление: появляется уважение к нему как старшему в семье. В этой же сцене особый смысловой акцент поставлен автором на таких деталях, как «засученные рукавички» Лизки-помощницы, стряпаншей глиняные колобки, «голый задок» младшей Татьянки-капризы.

Одна из первых сцен романа «Две зимы и три лета» – это возвращение Михаила с лесных заработков. Внешне грубоватое проявление заботы старшего брата выразилось в огромной его ответственности за всех членов семьи. Привез Михаил не только заработанные деньги и хлеб, но отрезки ткани на платья и штаны. И впервые эти наряды будут сшиты специально для каждого, но из единого отреза: платья в горошек для сестер и матери, штаны из синей байки для младших братьев. Создается предметно-образное поле семьи, объединенное этим новым внешним обликом, что является художественным воплощением мечты Михаила о достатке и согласии

в жизни всех Пряслиных. И только Лизку он выделил особо, привез самый роскошный подарок – новые большие ботинки, которые она опять-таки приспособит по своей ноге: «лапами Бог не обидел» [Там же, с. 293].

Внутренние переживания Михаила покажет писатель в его поведении на празднике: к этому дню сестра сошьет ему новую рубаху. Повзрослевший подросток совсем по-другому оценивает себя. Прежнее уважительное отношение Михаила к себе в солдатской гимнастерке отца сменится на проявление вседозволенности по отношению к обнове с пуговицами. Изначально твердая уверенность в принятом решении заменить отца в семье сменяется душевным смятением, желанием идти самостоятельным путем в жизни. Поэтому Мишка в новой рубахе на празднике не ощущает радости; нет внутри гармонии, а есть то противоречие, которое, как отмечает А. Ю. Большакова [4, с. 340], состоит в принципиальной антинорме русского менталитета, в основе которого лежат два полюса – типы «вольного человека» и «традиционного человека». Внутри Мишки бунтует «вольный человек», но победу одержит более сильный «традиционный» тип человека, живущий в нем, для которого свой внешний облик не слишком значим. Так, его отец, Иван Пряслин, не раздумывая и не жалея новый костюм, кинется вдогонку за свадебной процессией, чтобы вернуть и взять в жены Анну-куколку. Внешнее для героев Абрамова – пиджак или рубаха – не является тем барьером, который остановит их, заставит переодеться, чтобы принять важное решение.

Чертами праведничества, хранительницы семейных устоев наделена Лизка. С детства с «засученными рукавчиками», окруженная младшими Пряслиными, она даже не стремится покрасоваться в своем новом платье на деревенском празднике; её беспокойство за старшего брата проявляется во всем. Лизка видит блятающуюся на рубашке Михаила пуговицу, отрывает её сама, чтобы та не пропала, заставляет младших братьев искать потерянную. Эти смысловые детали служат своеобразным камертоном к пониманию характера Михаила и Лизки, их взаимоотношений в семье. В отличие от бунтарского характера Михаила, образ Лизки Пряслиной – это воплощение особого типа «женской духовности» [Там же, с. 352], обычно характерного для изображения женщин и старух в произведениях деревенской прозы.

Рассуждая о типологии героев в деревенской прозе, А. Ю. Большакова пишет: «Промежуточной разновидностью – между типом —традиционного человека», мудрого крестьянина (крестьянки) и —вольного человека», несущего в себе стихийно-бунтарское начало. – становится образ ребенка» [Там же, с. 350]. В сцене деревенского праздника Ф. А. Абрамов демонстрирует этот окончательный разрыв героев с детством. Художественное описание деталей костюма дает возможность писателю показать внутренний мир подростка в столкновении с внешним, показать следы этого взаимопроникновения, но не является ведущим принципом в создании его характера. Внимание художника к вещественной, предметной стороне жизни героев обусловлено только тем, что без этого невозможно понять, представить себе человека, эпоху. Над всем внешним в изображении героев довлеют действия, поступки, которые они совершают.

В изображении предметного мира детства В. Белов в повести «Привычное дело» [3] дает более индивидуализированное описание детской одежды: штаны с ляжками крест-накрест у двойников, запачканная полосатая рубашка с орденом Славы на Васькином пузе, трусишки Гришкины, линялое платьице Маруси. Верхняя одежда близнецов – это непарные валенки, шапки и пальтишки. Отдельно дано описание Катюшки, выросшей из пальтишка, в красных шароварах и резиновых сапожках. Дополнением к описанию детской одежды являются материнские раздумья Катерины о необходимых покупках: валенки Антошке, двойникам купить рубашки и резиновые сапожки Марусе. Особое внимание автора обращено на покупку обуви для детей, в этом отражаются те изменения, которые происходят в жизни деревни. У каждого ребенка теперь должна быть своя хорошая обувь, чтобы ходить в школу, босиком гулять уже не так привычно и прилично даже в деревне. В предметный мир детства в повести В. Белова «Привычное дело» включено всё, что необходимо для детей, без излишеств. Мир вещей воссоздает социально-исторический колорит современной писателю деревни.

Любой предмет, появившийся в художественном пространстве произведения, перестает быть просто предметом, а наделяется автором особым смыслом. В повести новорожденный младенец, которого везут на санках по лесной дороге домой, завернут в большой тулуп, этим он уже приобщен к миру взрослых, а в образе Ивана Африкановича одновременно видим черты архетипа Младенца и Отца. Такое своеобразное сочетание взрослого и детского, их эмоциональная и смысловая близость лежат в основе поэтики повести В. Белова «Привычное дело».

Особый художественный прием в создании предметного мира детства использует В. Астафьев. Он заключается в том, писатель ставит предмет в центр повествования, как бы выдергивает его из общей массы, создает предмет-лейтмотив. В рассказе «Монах в новых штанах» [2] сюжетобразующим является желание мальчишки иметь штаны, сшитые из новой материи. Предметно-вещественная мечта героя наделена аллегорическим смыслом, несет в себе иносказательное изображение будущей жизни в образах, имеющих чисто условную связь с трактуемым предметом. Она сродни детскому желанию скорее вырасти, стать взрослым и самостоятельным, но на пути к этому герой должен проявить смирение, терпение. Ожидание выздоровления бабушки становится духовным открытием и настоящим нравственным испытанием для мальчишки.

И вот наступило счастливое утро: на спинке кровати висят новые синие штаны, стирания беленькая рубашка в полоску, а рядом стоят сапоги с новыми желтыми союзками. Целостность костюма в рассказе является важной художественной деталью и стилистическим приёмом, средством выражения авторского отношения к герою. Явная семантика взрослого мужского костюма видна в новом наряде Витьки Потылицына. Мгновенно герой преображается внешне и внутренне: чувствует себя увереннее, достойно и степенно шагает по деревне, ловит на себе удивленные взгляды, совершая первое самостоятельное путешествие к деду на заимку.

Новый костюм становится для героя очередным испытанием, проверкой на зрелость в соответствии с внешним обликом. По пути к деду он преодолевает гору, бежит по логу, заползает в дупло, лихо перебродит реку, а потом спит и сушит штаны и рубаху. Появляются пятна сажи на рубашке и штанах, заливаются водой сапоги;

полным крушением надежд на достойное поведение стало обидное прозвище «Монах в новых штанах», данное Санькой [Там же, с. 88]. Тут и прорывается Витькин петушиный характер: прыгнул с разбегу и провалился в болотину. Естественные природные преграды преодолеваются с меньшими потерями для внешнего вида Витьки, чем коварная встреча и тайная зависть друга Саньки. Аллегория взрослой человеческой жизни прочитывается в описании пути, который проходит герой; значимо и то, что спасает героя вовремя подоспевшая бабушка.

В костюме взрослого человека сапоги являются важной деталью, имеющей особое статусное значение, а вот в костюме мальчишки они оказались лишними. После недели болезни Витька надел обжитые, уже привычные штаны, о которых мечтал, а сапоги остались в бочажине. Так иронизирует автор над незавершенностью процесса взросления Витьки Потялицына, подсмеивается над своим мальчишеским детством, стремлением к скорому взрослению. В финале рассказа лейтмотивом звучит авторская мысль, что на свете жить хорошо, а на штаны и сапоги можно заработать, если жить. Обыкновенная история о новых штанах, рассказанная В. Астафьевым, становится художественным повествованием о процессе взросления мальчишки, о приобретении им жизненного опыта в труде и терпении, об умении любить и прощать, об осознании радости от самой жизни, а не от того, в каких штанах/сапогах ты ходишь.

Мир детства деревенской прозы наполнен писателями Ф. Абрамовым, В. Беловым, В. Астафьевым вещами и предметами, значимыми для раскрытия детского характера. Каждая деталь костюма, на которую обращено художественное внимание писателя, наделена особой образно-смысловой функцией взросления, испытания и становления личности героя.

Список литературы

1. Абрамов Ф. А. Избранное: в 2-х т. М.: Известия, 1976. Т. 1. 592 с.
2. Астафьев В. П. Монах в новых штанах // Астафьев В. П. Последний поклон. М.: Известия, 1982. С. 66-96.
3. Белов В. И. Привычное дело // Белов В. И. Повести и рассказы. М.: Известия, 1980. С. 5-155.
4. Большакова А. Ю. Крестьянство в русской литературе XVIII-XX вв.: пособие для педагогов. М.: Изд-во Института социально-педагогических проблем сельской школы РАО, 2004. 420 с.

FIGURATIVE AND SEMANTIC FUNCTION OF CHILD'S COSTUME IN WORKS OF F. ABRAMOV, V. BELOV, V. ASTAFYEV

Neverovich Galina Aleksandrovna

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

nevgalina@gmail.com

The article considers the figurative and semantic function of child's costume in the works of F. Abramov –Brothers and Sisters” and –Two Winters and Three Summers”, V. Belov –Usual Thing”, and V. Astafyev –Monk in New Pants”. The objective-figurative field of childhood, created in aggregate, presents the world of a child in village prose, and represents the process of child's growing-up.

Key words and phrases: objective world of childhood; child archetype; semantic function of child's costume; detailed elaboration and individualization of costume; inner world of hero; heroes' typology in village prose.

УДК 81.1

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению процессов стабилизации и дестабилизации языковой системы, обеспечивающих её функционирование и развитие. Исследование показало, что самоорганизация языка осуществляется за счёт процессов прямой и непрямой референций, имеющих место в любом языке. Прямая референция призвана стабилизировать язык, делая его универсальным средством общения людей, она обеспечивает бесперебойное и надёжное функционирование языковой системы. Непрямая референция дестабилизирует язык, приводя к изменениям в системе языка и, как следствие, к её развитию.

Ключевые слова и фразы: самоорганизация языковой системы; прямая референция; непрямая референция; метафора; метонимия; развитие языка.

Некипелова Ирина Михайловна, к. филол. н., доцент

Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашникова

irina.m.nekipelova@mail.ru

ПРЯМАЯ И НЕПРЯМАЯ РЕФЕРЕНЦИИ КАК ФАКТОРЫ СТАБИЛИЗАЦИИ И ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ©

Язык призван быть системой, доступной всем носителям языка для осуществления коммуникации, и в этом отношении язык является универсальным средством коммуникации. Его универсальность заключается